

Татьяна Земскова

«СЫПУЧЕЕ ПЕСКА ЛЮДСКИЕ ИМЕНА»

95 лет назад родился поэт Леонид Мартынов

Он ПРОЖИЛ на свете 75 лет. В этом мае Мартынову исполнилось бы 95... Родился 22 мая, умер 23 июня. В его жизни было много, чудесных, порой мистических совпадений, связанных главным образом с цифрами. Так, после войны он жил в Москве на 11-й Сокольнической улице, в доме 11, в квартире 11. Мало того — площадь комнаты была 11 метров, и прожил он в ней 11 лет.

Вообще биография Мартынова необычна и во многом парадоксальна. Как сама его личность, как сама его поэзия. Начать с того, что популярность Мартынов приобрел только лет в пятьдесят, хотя стихи писал, как говорят, с молодых ногтей.

Родился в Сибири. Раннее детство Мартынова практически прошло в железнодорожном вагоне. Отец работал техником путей сообщения. Служебный вагон подолгу стоял среди степей и полупустынь Зауралья. И мальчик знал «каждую водокачку между Челябинском, Омском и Каинском». Только перед Первой мировой войной семья окончательно поселилась в Омске.

Через много лет Мартынов напишет, что в 1910 году Омск напоминал ему «плоский, купающийся в соленой пыли гигантский блин-город», где жили люди по крайней мере двенадцати национальностей. Он помнил казахов, продававших кумыс на улицах и мясо на базарах, одетых в гоголевские свитки украинцев, кутающихся в сибирские тулупы рыжих немцев-колонистов, а еще латышей, эстонцев, поляков. На главном Никольском проспекте возвышался Казачий собор, где Мартынова крестили, почему-то под сенью знамени Ермака Тимофеевича.

Напротив стоял костел, из которого доносились латинские песнопения. А рядом с костелом — мусульманская мечеть. Эта многоязычная пестрая среда, смешение одежд, языков, обычаев как бы приобщило будущего поэта к мировой культуре, научило «ощущать на вкус, цвет, запах» не только предметы, вещи, но и события, явления. Уже в 15—16 лет он серьезно интересуется историей, семейными преданиями, даже пишет стихотворение о происхождении своей фамилии, узнав, что Мартыны — это птицы из породы чаек. «Черные воды пустыни, // Глухо ревет прибой, // Братья мои Мартыны // Кружатся над тобой. // Тонкие руки раскинув, // Падаешь ты на песок. // Видишь летящих Мартынов? // Путь их высок, высок».

Видимо, еще в отрочестве Мартынов наметил для себя собственный высокий путь. Хотя поначалу, как все мальчишки, увлекался техникой: паровозы, самолеты, корабли. Правда, еще в раннем детстве мальчику снились диковинные сны: он видел летящие в воздухе фигуры с раскинутыми руками, а потом и сам весело, волно начал летать во сне, то над Северным полюсом, то прямо через радугу. Позже Мартынов признается, что сны эти до времени заменяли ему поэзию и музыку. А потом был гардероб в проходной комнате, наверху которого мальчик обнаружил залежи старых журналов и книг. С этих пор он и стал книголюбом. Товарищи старшего брата называли его сновидцем книг, наивным мечтателем, «вундеркиндом, читающим Веды». Окончив четыре класса омской гимназии, Мартынов решил учебу бросить. Видимо, жизненные впечатления и события были слишком сильны и значительны. Первая мировая война, революция, армия Колчака, вошедшая в Омск, установление советской власти. И стихи, стихи, стихи. «Отгородился от прошлого, // Стертого в порошок, // Прошлое, было порошком, // Скошенного под корешок. // Разве что только под лупами // Станет оно видней... // Пахнут зем-

лей и тулупами // Девушки наших дней». Молодой Мартынов сначала увлекся футуризмом, потом решил стать художником, даже ездил в Москву поступать во ВХУТЕМАС. Потом сделался газетчиком-корреспондентом, исколесил огромные пространства Сибири: летал над Барабинской степью на агитсамолете, переходил пешком Казахстан по трассе будущего Турксиба, искал в степи остатки мамонтов, а на Алтае собирал лекарственные травы. Внезапно решил поступить на географический факультет Ленинградского университета.

С Ленинградом у молодого Мартынова тоже связана удивительная история. Три задачи поставил перед собой поэт: переплыть Неву, напечатать стихи в литературном журнале и поступить в университет без вступительных экзаменов, предъявив вместо аттестата собственные стихи. Но... профессор Тан-Богораз заявил, что нужные молодому стихотворцу знания можно получить и путем самообразования. Университет остался мечтой, зато в журнале «Звезда» было опубликовано стихотворение Мартынова «Безумный корреспондент», где были, в частности, и такие строки: «Ведь наших дней трескуч кинематограф, // И Генеу — наш вдумчивый биограф, // И тот не в силах уследить за всем».

Случилось, что этот «вдумчивый биограф» сыграл с поэтом скверную шутку. В 32-м году 27-летний Мартынов был арестован по делу так называемой «Сибирской бригады». По мнению НКВД, это была нелегальная контрреволюционная организация литераторов. Помимо Мартынова, в нее входили поэты Павел Васильев, Сергей Марков и несколько других. Мартынова выслали в Архангельск, потом перевели в Вологда, где он прожил три года.

Только в начале 90-х Галина Сухова, хранительница мартыновского наследия, получила в Особом архиве дело этой «Сибирской бригады» за номером 122613. Мартынова обвиняли в контрреволюционной агитации. Формальной уликой было известное стихотворение «Воздушные фрегаты»: «Померк багряный свет заката, // Громада туч росла вдали, // Когда воздушные фрегаты // Над самым городом прошли...» Даже не все стихотворение, а строки, посвященные адмиралу Колчаку: «О потонушем адмирале // Не зря вещали старики...» Но главное обвинение заключалось в том, что молодые поэты якобы ратовали за автономии Сибири, чуть ли не за ее отделение от России.

Почему-то сам Мартынов никогда не писал и не рассказывал об этом факте своей биографии, и даже в 60-е годы не подавал документов на реабилитацию. Словно вычеркнул из своей жизни эту страницу.

Однако Вологда не оказалась случайным городом в судьбе поэта. Он и здесь сотрундничал в газетах, журналах, писал стихи. Но главное, в Вологде, в одной из редакций, Мартынов встретил свою будущую жену. Девушка — ее звали Нина — печатала на машинке «Ундервуд» и была похожа на подсолнух. Ей посвятил Мартынов одно из лучших лирических стихотворений: «Но ты вошла... // Отчетливо я помню, // Как ты вошла — не ангел, // И не дьявол, // А теплое здоровое

Леонид Мартынов.

создание, // Такой же гость невольный, как и я... // Я это понял. // Одного лишь только // Не мог понять: откуда мне знакомы // Твое лицо, твои глаза и губы, // И волосы, упавшие на лоб? // Я закричал: // — Я видел вас когда-то, // Хотя я вас и никогда не видел. // Но тем не менее видел вас сегодня, // Хотя сегодня я не видел вас».

Они прожили, как говорят, душа в душу 47 лет. Она умерла в 79-м, он через год после нее.

Была еще и необыкновенная дружба, длившаяся тридцать три года. Уже после войны, в 45-м году, когда чета Мартыновых перебралась в Москву и жила на той самой 11-й Сокольнической улице, в маленькую комнату нагрязнул венгерский поэт Антал Гидаш и предложил Мартынову заняться переводами Петефи. Так началась дружба четверых: Мартынов, Нина, Гидаш, Агнесса. Их сблизила не только одержимость поэзией, но и общность судеб. Антал Гидаш тоже провел несколько лет в сталинских лагерях, отец Агнессы Кун, венгерский революционер, был расстрелян в 37-м.

«Нас было четверо, — писала Агнесса Кун уже после смерти Мартынова. — Первой ушла Ниночка, вторым Гидаш, третьим Мартынов, и осталась я одна. Не так уж уютно стало на свете. Утрачен и ритм жизни: 10-е, 20-е, 30-е числа. Это были мартыновские дни. Двадцать с лишним лет подряд сидели мы с Гидашем в нашей будапештской квартире и ждали их звонка».

Еще одна веха биографии — «Эрцинский лес» — книга стихов, выпущенная в Омске. Когда я спрашивала Мартынова, что это такое — Эрцинский лес, он смотрел на меня недоуменно, как на полную невежду, потом долго объяснял про молдавского ученого Сапфария, который еще в 17-м веке описал лесные богатства Сибири, особо отметив леса, растущие по берегам рек. «Это и есть Эрцинский лес в переводе с латинского», — заканчивал он свой рассказ.

Тогда, в 46-м, книга была подвешена оглушительному грому. Особо придирались к

стихотворению, давшему название всей книге: «Я говорил, что дик // Мой отдаленный край. // Я говорил: «Язык // Деревьев изучай!» // Я звал вас много раз // Сюда, в Эрцинский лес, // Чьи корни до сердец, // Вершины до небес».

В частности, известная в те годы писательница Вера Инбер даже отказывала поэту в принадлежности к советской литературе: «Видимо, Леониду Мартынову с нами не по пути. Наши пути могут разойтись навсегда».

Особенно возмутило ее стихотворение, где были такие строки: «Но, по земле своей کوچу, // Совсем немножко хочу я: // Хочу иметь такую душу, // Чтоб гило все, что я разрушу, // Хочу иметь такую волю, // Чтоб жило все, чему позволю...»

На этот раз Мартынова не арестовали, не выслали, его просто прекратили печатать. Только переводы с венгерского, польского, французского изредка появлялись в журналах. Но Мартынов всегда верил в свое предназначение. В 45-м он писал: «Мне кажется, что я воскрес, // Я жил. Я звался Геркулес. // Три тысячи пудов я весил. // С корнями вырывал я лес. // Рукой тянул-ся до небес. // Садясь, ломал я спинки кресел. // И умер я... И вот воскрес: // Нормальный рост, нормальный вес — // Я стал как все. Я добр. Я весел. // Я не ломаю спинку кресел... // И все-таки я Геркулес». Именно в запретные годы непечатанья Мартынов работает истоиво, собирает воедино свои лучшие сочинения. Они появились только через девять лет, в 55-м, в виде тоненькой зеленой книжки со скромным названием «Стихи». Сразу же после выхода сборника Мартынов, как говорится в таких случаях, проснулся знаменитым. Его стихи читали, обсуждали, цитировали. Многие строки просто сделались афоризмами: «Из смиренья не пишется стихотворения», «человечеству хочется песен...», «вода благоволила литься». Не даром на вопрос, кто он по профессии, Мартынов шутиливо отвечал: «Писатель слов и сочинитель фраз».

Но долгожданное признание, казалось, вовсе не повлияло на образ жизни и внутренний мир Мартынова. Правда, из коммунашки на 11-й Сокольнической он переехал в двухкомнатную квартиру на Ломоносовском проспекте. Но, как и прежде, он жил отшельником, редко появлялся на публике, еще реже давал интервью, никогда не читал своих стихов на поэтических вечерах или с эстрады, что было необыкновенно распространено именно в 60—70-е годы. А каких трудов уже в середине 70-х стоило мне уговорить Мартынова первый раз сняться на телевидении! По-прежнему его келья, или «художественная мастерская», как называл Мартынов свой кабинет, была завалена научными книгами, кипами газет и диковинными камнями. Правда, известность позволила ему целиком отдаться любимому делу — поэзии. Кажется, любую мысль, посетившую его, любой предмет или случай он мог обратиться в стихи. Он как будто спешил, торопился высказаться, выплеснуть на бумагу все, что переполняло его душу. По собственному выражению, он писал, «перебивая самого себя, пережевывая самого себя». Очень точно написал о Мартынове его земляк, писатель Сергей Залыгин: «Мартынов мог быть только поэтом, а больше никем другим. Так задумала его природа. Он был настолько поэтом, что, скажем, каким-либо руководителем Союза писателей его и представить было совершенно невозможно. Да и сам он удивился бы страшно, если бы кто-то вдруг предложил занять ему ту или иную руководящую роль. Служебный кабинет, а в кабинете Мартынов?! Нет, это невозможно!»

Называли его и чудачком-романтиком, и ученым-историком, и колдуном-фантазером, и пустынноком XX века, хотя он всегда живо интересовался всем новым и, безусловно, обладал даром предвидения.

Мне кажется, он предвидел то, что называем мы сегодня перестройкой. Еще в 70-е годы Мартынов грешил о новой России: «Я как будто несколько столетий // Не писал стихов. И вновь берусь. // Промелькнуло, я и не заметил, // Нескольких веков. Иная Русь. // И на ней совсем иная осень, // И над ней новые облака...» Он верил и в будущее планеты Земля: «И брожу я меж соленых луж, // И как будто вижу я, блуждая, // Что блуждаю, как ученый муж, // Зарожденные жизни наблюдая // На тебе, планета молодая! // О, твоя еще взойдет звезда, // Поостынет дикая вода, // Кровь и мед появятся и млеко! // Но когда еще? Еще когда! // Высшая премудрость иногда // Преждевременна для человека...»

И разве не он покаялся не только в собственных ошибках, но как бы взвалил на свои плечи грехи всей нашей интеллигенции? «Ах, сколько туч над нами пронеслось! // Рассеялось! // Но если говорить, // Что где-то кто-то в чем-то виноват, // Пожалуйста, считайте, это — я».

В какой-то мере предугадал поэт и кризис культуры, наше духовное обнищание, потерю интереса к литературе, невосребованность поэзии. И совсем удивительно — он предчувствовал и свое собственное забвение. «Из мира // облачных страниц, // Разрозненных Двадцатым веком, // Одна из прлтевших птиц // Вдруг обернулась человеком // И там, где луное ведро // Ушло в небесные чернила, // Свое летучее перо // О серп Венеры очинила: // Все станет на свои места, // Уход твой назовут утрадой // В год от рождения Христа // Две тысячи девятьсот пятый. // А до тех пор доволен будь // И безмятежностью забвенья, // Ложась своей же гордой тенью // На собственный свой торный путь».

И еще... Мартынов завещал в день смерти положить ему на грудь одиннадцать камней из своей уникальной коллекции. Именно одиннадцать. Он считал это число счастливым.